

Ника Витковская

Юность

16+

Ника Витковская

Юность

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Витковская Н.

Юность / Н. Витковская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Алекс - это не просто имя, это что-то, что встает между двумя героями, ломающими правила и природу своих организмов. Моя история о том, как любовь способна излечить, пробудить чувства даже тогда, когда их нет. Оскар болен алекситимией, он не может испытывать эмоции и быть счастливым, но Маргарет полностью переворачивает его жизнь, равно, как и он ее. Но, наверное, в каждой истории любви случается треугольник...

Содержание

“Немой мальчик”	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	20
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	29
Глава 9	34
Глава 10	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ника Витковская

Юность

“Немой мальчик”

Федерико Гарсиа Лорка

Мальчик искал свой голос,
спрятанный принцем-кузнечиком.
Мальчик искал свой голос
в росных цветочных венчиках.
– Сделал бы я из голоса
колечко необычайное,
мог бы я в это колечко
спрятать свое молчание.
Мальчик искал свой голос
в росных цветочных венчиках,
а голос звенел вдалеке,
одевшись зеленым кузнечиком.

Плейлист для чтения...

To love somebody (Scott Matthew)
Wonderlust (Will Post)
Promise (Ben Howard)
Heal (Tom Odell)
Howling (РУХ)
Trying My Best (Anson Seabra)
Happiest Year (Jaymes Young)
Older than I am (Lennon Stella)
Broken (Isak Danielson)
Quite miss home (James Arthur)
Her (Anne-Marie)
Jenny of Oldstones (Rachel Hardy)
Lighthouse (Patrick Watson)
Lonely (Yael Naim)
Unconditional (Aaron Smith)
Put a Little Love on Me (Niall Horan)
Rainbow (Kacey Musgraves)

Португалия, Синтра
65 дней до урожая моркови

Я проснулась от звонка в дверь и вспомнила, что забыла позвать мастера. Звук был настолько громкий и противный, что закладывало уши. Откопав в диване телефон, я взглянула на часы. Солнце начинало садиться, и вся комната была озарена золотым теплым светом. Я встала с дивана и добрела до коридора. Домофон не переставал трещать. Я толкнула дверь, и в квартиру влетела женщина с такими же, как у меня, кудрявыми волосами.

“И тебе привет, мам. Я думала, у тебя дежурство,” сонно ответила я.
“Ты что, весь день из кровати не вылазишь?”
“С чего ты взяла?” Разминая шею, недоуменно воскликнула я.
“Во-первых, ты в пижаме, а во-вторых.. щеку отлежала: вся красная.”

Я посмотрелась в зеркало и потерла ее ладонью. Мама стояла у меня за спиной и недовольно оглядывала комнату. Сказать по правде, я терпеть не могла, когда мама называла мой костюм зеленого динозаврика пижамой. Просто в нем было удобно и тепло, а еще, он напоминал мне о Саммер – моей самой лучшей подруге.

Пару месяцев назад мы ходили с ней по магазинам, и я мельком сказала, что мечтаю о костюме динозавра. Перед тем, как улететь обратно в Ирландию, Саммер сделала мне подарок. Кажется, что он до сих пор пахнет ее вещами.

“Повсюду бумага, контейнеры от еды... Что с тобой случилось? Ноутбук на полу,” мама поднимала вещи и складывала их на стол.

“Это не какая-то бумага..!” я остановилась посреди комнаты, вытаращив на маму глаза.
“Прекрати трогать мои вещи!” Я не выдержала.

Маме было трудно смириться с моим увлечением. Она считала, что оригами – пустая трата времени, и я обязана стать хирургом, как она и папа. Но моей страстью были здания, поэтому я недавно подала документы в *Universidade de Lisboa* – крупнейший университет Португалии.

Вообще, я жила в Синтре, которая находится в 18 километрах от Лиссабона, но в ней нет университета.

“Маргарет, тебе сколько лет? Ведешь себя, как ребенок.”

“Мам, я живу так, как хочу. Наслаждаюсь моментами и временем, проведенным с собой. Мне хорошо, понимаешь?”

“Ты бы еще в приставку поиграла.”

Я закатила глаза и плюхнулась в подвесное кресло-кокон.

“Любовь не нужно искать, она сама придет в нужный момент и останется настолько, насколько посчитает нужным. Я искренне верю, что однажды, буду просыпаться с человеком, которого буду любить, но пока что, я живу для себя.”

“У тебя вся комната завалена оригами, куча ватманов и плакатов. Я даже не знаю, чем ты занимаешься,” тихо прошептала мама.

У меня создавалось полное ощущение того, что она меня не слышит, будто, меня здесь нет. Когда я была маленькая и жила с родителями, все внимание шло Итану. Он был старше

меня на пару лет и, почему-то, больше угождал прихотям родителей. Ну, как минимум, он учится на врача.

“Так ты и не пытаешься узнать... Хочешь ужин?”

“Еще рано – я не голодна.”

“А можно хоть раз выкинуть из головы эти дурацкие правила и поужинать со мной?”

Я недоверчиво посмотрела маме в глаза и подняла крышку со сковородки. Она была еще теплая. Я выложила еду на тарелку и дизайнерски полила соусом. Пока заваривался чай, я негромко включила телевизор.

“Mais recentemente, era um hospital para doentes mentais, mas agora este lugar é o lar ideal para "outras" pessoas. Se você deseja se tornar um voluntário, ligue para este número.”¹

Облокотившись на холодильник, я уставилась в телевизор. Девушку, у которой брали интервью, звали Сара. По всей видимости, она была директором этого реабилитационного центра.

“Хорошее место сделали,” – заговорила мама.

“Откуда ты знаешь?”

“Да был у меня оттуда один пациент, бедный парень. Все тело в узорах...”

“Что? Ты о чем?”

“Да так... Что за блюдо?”

“Острый рис со сладким перцем и овощами, кусочками курицы, паприкой и специями.”

“Сама готовишь?”

“Бывает, заказываю доставку, но чаще всего сама. Мне нравится,” – я выключила чайник.

“М-м, очень вкусно!”

“Мам, зачем ты пришла?”

“Проведать тебя.” Она взяла меня за руку и нежно погладила.

Я впервые за долгое время почувствовала, как же сильно она меня любит. Моя мама очень закрытый человек. Каждый день ей приходится спасать чужие жизни, из-за которых она совсем забыла про свою. Мне нравится, когда она вот так, в обыкновенном прикосновении и добром взгляде, в простых словах и ласковой интонации... Мне так ее такой не хватает.

Я сдернула с головы капюшон и, вскочив со стула, подбежала к ней, уткнувшись носом в плечо. Я нежно обхватила шею руками и прижалась, вдыхая ее запах. Смесь миндального печенья и больницы. Поглаживая меня по голове, мама покачивалась из стороны в сторону, одаривая поцелуями в макушку.

Когда ее вызвали на дежурство, я вышла на носочках на балкон и наклонилась вниз. Теплый воздух трепал волосы, наполняя их последними лучами солнца. Легкие наполнялись запахом океана и цветов. Я жила в районе Azenhas do Mar. Это был не самый лучший пляж Португалии, но мне нравилось место. Домики напоминали греческий городок, особенно, когда зажигались огни. А еще, я могла слышать океан. Всегда. Он был настолько близко, что каждый раз, когда я смотрела на него, когда дотрагивалась до воды и вдыхала воздух, когда мои ноги утопали в горячем песке, когда мое сердце старалось запомнить ритм волн, я не могла пове-

---

¹ Совсем недавно это была больница для душевнобольных, но уже сейчас это место является идеальным домом для "других" людей. Если вы хотите стать волонтером, пожалуйста, позвоните по этому телефону.

рить, что у меня есть такая возможность. Возможность ощущать океан всем телом, каждой частичкой души.

Вернувшись в комнату, я опустила пальцами ног задрывшуюся штанину и присела на колени. В колонке играла спокойная музыка. Взяв в руки бумажный цветок, я оглянулась на десятки таких же бумажных фигур, которые были расставлены по всей комнате: на каждой полке и шкафу. Помимо макетов, которые требовали склейки фигур, я занималась оригами. Что-то вроде медитации. Всего лишь один лист бумаги и у тебя в руках жирафик или тюльпан. Во мне всегда жил внутренний ребенок.

Темнело очень рано и, с наступлением темноты, мой мир, словно, делился на “до” и “после”. Ночь, приносящая за собою кошмары о монстрах под кроватью, вселяла тоску и ощущение одиночества. Нет, конечно, я не боялась никаких чудовищ, просто этими монстрами были мои собственные страхи, преследовавшие меня с рождения. Какие-то заменялись новыми, присущими возрасту, а какие-то только усиливались. Я не любила спать и не любила, когда заканчивался день, старалась ложиться, как можно, позже. Частенько засиживалась в кафе до самого закрытия. Сегодня я решила не нарушать традицию и прогуляться до ближайшей пекарни. Мне как раз нужно было написать эссе в университет.

Надев свободный коричневый комбинезон с заплатками и тонкую бежевую кофту, я вышла из квартиры.

В кафе невероятно вкусно пахло кофе и выпечкой. Заказав *Pastel de Belém* (пирожное в виде чашечек из слоёного теста с заварным кремом), я присела за столик у окна и достала ноутбук. Никто меня не замечал, зато я видела и слышала всех.

Всегда, перед тем, как выпить кофе и отведать десерт, я закрываю глаза и представляю, как же сильно я счастлива в эту самую секунду. Ощущение себя в этом самом моменте только усиливает удовольствие. Добавив в кофе корицы, я принялась за пирожное.

Покончив с едой, я открыла Word и с головой погрузилась в эссе. В 300-х словах мне нужно было выразить свое желание учиться, показать, почему именно я смогу предложить новые проекты, и рассказать о себе.

Когда мне оставалось совсем немного, чтобы закончить писать, я обнаружила вокруг себя 3 бумажных стаканчика от чая и один недопитый с кофе. Неужели, я все это успела заказать за последние полтора часа..? После нескольких секунд смятения меня отвлек приятный голос. Это оказалась девушка лет 25 с черными волосами до середины плеча.

“*Posso distraí-lo por um tempo?*”

“Извините, я не говорю по-португальски,”– от этого мне стало неловко.

“Меня зовут Сара, я представляю волонтерское движение и предлагаю вам заполнить анкету,” разложив передо мной буклеты, тихо произнесла девушка.

“Это вы давали интервью в сегодняшних новостях?”

“Да, я понимаю вашу неуверенность и, возможно, страх... Но эти люди ничем не больны. Все их “отклонения” уникальны, более того, они не являются психическими заболеваниями. С этим можно и нужно жить! А в этом центре они, будто, под микроскопом...”

Я задумалась и посмотрела на Сару. Она заметно нервничала. Достав из сумки ручку, я взяла анкету и вписала свое имя. Глаза Сары загорелись от счастья. Схватив листок, девушка судорожно собрала буклеты, запихнула их в рюкзак и, чуть не уронив журнальную стойку, выбежала из кафе. Я усмехнулась и обвела кафе взглядом. Все столики были заняты. Люди, сидевшие возле меня, о чем-то мило болтали; а те, что устроились на мягких диванах, смотрели фильм; девушка за барным столом читала книгу. Меня наполняло чувство спокойствия и счастья, но сил дописывать эссе у меня уже не осталось.

Я вышла на улицу и вдохнула ночь.

Глава 2

Сработал сигнал микроволновки. Я достала еду и накрыла себе на стол. Чай был уже готов. Скинув халат, я надела желтую повязку с маленьким бантом и села завтракать. Я взяла телефон и обнаружила 2 пропущенных с незнакомого номера.

“Алло?”

“Вы Маргарет Коннор?”

“Допустим, а вы?”

“Меня зовут Сара, помните? Вы вчера заполнили заявку на волонтерство в реабилитационный центр при исследовательском институте.”

“Да! Точно, я совсем забыла.”

“Мы рассмотрели анкету и готовы провести собеседование. Вам сегодня будет удобно подъехать?”

“А чем конкретно мне предстоит заниматься?”

“Смотрите, вы становитесь волонтером и за вами закрепляется один пациент. Мы специализируемся на психологических отклонениях, которые не являются заболеваниями и не угрожают ничьей жизни. Все пациенты психически здоровы и не представляют опасности.”

“Боюсь, у меня нет опыта в работе с людьми. К тому же, я не знаю, чем могу помочь им,” составляя посуду в раковину, ответила я.

“Нужно просто быть рядом.”

Быть рядом... Я остановилась с чашкой в руках и задумалась. Мама с детства учила меня доброте и заботе. Она часто повторяла одну и ту же фразу. «*Есть только одна вещь, которой стоит держаться – это друг за друга*». Ее сказала Одри Хелберн. В словах Сары так же звучала надежда, с которой и мама произносила слова Одри.

“Присылайте адрес!”

Я надела льняной комбинезон, топ и кеды. Повязала солоху цвета охры, схватила вязаную кофту и вышла из квартиры.

На улице было значительно холоднее, чем вчера вечером. Небо затянули тяжелые серые тучи, стояла влажность. Людей было мало, видимо, сидели по домам. Добежав до автобусной остановки, я купила билет до *Palácio Nacional de Sintra*. Он находился на центральной площади города, откуда было удобнее всего добираться до нужного адреса.

В автобусе было также пусто, как и в городе. Наклонившись к стеклу, я смотрела в окно. Все улочки были настолько узкие, что по телу проходила дрожь каждый раз, когда мы сворачивали на повороте. Чем выше мы поднимались в горы, тем хуже становилась видимость. Густой туман покрывал абсолютно все. Но его уникальность была в том, что он за секунду мог полностью исчезнуть, а затем появиться и стать в 3 раза гуще. Перед всеми важными встречами мне требовалось время, чтобы настроиться на разговор и расслабиться. Ничто не успокаивало меня так, как натуральная тишина. Тишина, состоящая из звуков улицы и природы – звуков, находящийся далеко от меня. Доехав до *Castelo dos Mouros*, я вышла и остановилась у входа в парк. Было раннее утро и, возможно, поэтому людей было не так много. Я купила билет. Внутри передо мной открывался невероятный вид. Пышные ярко-зеленые деревья с закрученными стволами уносились куда-то ввысь; каменные изгороди покрытые мягким и сочным мхом. И туман, который, казалось, стал гуще, чем прежде, стелился от оврага и до самых макушек деревьев. Здесь было влажно и сыро, прямо, как в тропическом лесу. Пройдя несколько

метров по дорожке, я присела на камни и свесила ноги в овраг. Тишина... Свежесть леса проскальзывала сквозь кожу и тонким слоем скапливалась в легких. Дышать было так легко, что кружилась голова. Вцепившись пальцами за выступ камней, я откинулась назад; мое сердце сделало сальто. Я осмотрелась и медленно пошла в сторону выхода.

У ворот в Центр меня встретила Сара. В клетчатом платье и туго стянутыми волосами. Снаружи здание ничем не отличалось от других таких же зданий в округе. Я и не догадывалась, что тут находится корпус исследовательского института, так как это туристическое место с основными достопримечательностями Синтры. Но когда я попала внутрь, моему удивлению и восхищению не было предела. Создавалось впечатление, что я попала на космический корабль и лечу в будущее. Это же целый мир со своим кафе, небольшим парком во внутреннем дворе, зоной отдыха, водопадом и чем-то еще. Палаты размещались на втором этаже по всему периметру здания. Они были полностью стеклянные с широкими автоматическими дверями. Я следовала за Сарой, задрала голову. Она провела меня к охранному пункту и сделала пропуск. Мы поднялись на пятый этаж и вышли на террасу, откуда открывался невероятный вид на тот самый лес. Ветер усилился. Застегнув кофту на 3 единственные пуговицы, я засунула руки в карманы и уставилась вдаль. Я облизала губы и закрыла глаза. Оказывается, даже у ветра есть вкус и запах.

“Маргарет, скоро я познакомлю вас с молодым парнем, ему девятнадцать лет. Зовут Оскар Грин.”

“А как же собеседование?”

“Я дам вам тест из 40 вопросов, этого будет вполне достаточно.”

“Я могу заполнить его здесь?”

Сара недоверчиво посмотрела, но, ничего не сказав против, достала планшет и бумагу с ручкой. Мне хотелось заполнить тест в одиночестве под крики чаек вдалеке.

“Почему он?” Напоследок спросила я.

“Ты поймешь,” ее голос перестал быть официальным.

Я улыбнулась.

“Отлично!” Воскликнула Сара, проверив мой тест.

“Какой он?” Не унималась я.

“Он... спокойный и уравновешенный, даже больше, чем надо.”

“Ты о чем?”

“У него алекситимия, если просто, то это эмоциональный дальтонизм. Существуют разные формы...”

“То есть, он не испытывает никаких эмоций?”

Сара отрицательно покачала головой и грустно улыбнулась.

“Какой у него номер палаты?”

“256!”

Я была в себе абсолютно уверена, но, оказавшись у двери, почувствовала страх. В горле запершило и зачесалась кожа. Заправив за ухо кудри, я выдохнула и постучала в дверь. Никто не ответил. Он был там, я это знала, и он слышал стук. Постучав громче, я прислушалась и

помахала рукой перед датчиками, расположенными с двух сторон. Сработало! Зажглись два огонька и дверь с жужжанием механизма открылась. Оскар стоял у окна и что-то писал на стекле белым маркером. Молча повернувшись ко мне, он щелкнул колпачком и, развернув стул задом наперед, встал на него одним коленом.

“Справилась?” Саркастично спросил он.

Растерявшись из-за собственной неловкости, я застыла в ступоре. Мне казалось, что хуже, чем это, первого впечатления быть не может. Стиснув зубы, я глубоко вдохнула носом и медленно выдохнула ртом. Переминаясь с ноги на ногу, я подбирала в голове нужные слова.

“Трудно было открыть дверь?”

“Я надеялся, что тебе надоест и ты уйдешь,” его голос звучал ровно.

“Не привыкла сдаваться,” твердо ответила я.

Оскар наигранно улыбнулся и резко снова стал серьезным. Он опустил глаза и, облизав нижнюю губу, начал ходить по комнате, передвигая вещи с места на место. На нем были песочные штаны в стиле сафари, слипоны и растянутая вязаная кофта с крупными деревянными пуговицами, из-под которой торчал краешек футболки. Пропустив пальцы под волосы, он сильно их взъерошил и, наконец, посмотрел на меня.

“Так... зачем ты здесь?” Оскар прищурился. “Развлекать меня или за “добрые дела” дают значок и грамоту?”

“Не знаю, я уже подала документы.”

“Тебе нет 18-ти...”

“Знаешь, я и сама не понимаю, что здесь забыла. Извини, мне лучше уйти.”

Я развернулась и толкнула дверь, но она не поддавалась. Ударив ладонями по стеклу, я сжала кулаки и нервно дернула дверь еще 5 раз. Оскар спокойно подошел и отворил дверь.

“Ты сказала, что не привыкла сдаваться,” – прошептал он.

Мое сердце колотилось с сумасшедшей скоростью. Я чувствовала пульс в запястье, но это не был страх. Я не боялась Оскара, скорее, наоборот, меня к нему тянуло со страшной силой. Мы стояли в дверях, он – в 5-ти сантиметрах от меня, практически вплотную.

“Ну что ты смотришь? Я тебя не держу,” – он пожал плечами.

По телу пробежала легкая дрожь. Ноги стали ватными, как будто, мне вкололи успокоительное. Я расслабила напрягшиеся мышцы и облокотилась спиной на дверной косяк. У меня появилось время, чтобы разглядеть Оскара – его необычную внешность. Косматые пепельно-русые волосы торчали вверх и немного в стороны, уши были слегка заостренные, прямо, как у эльфа, а бледные серо-голубые глаза напоминали кукольные, как из стекла.

“Я хочу тебе помочь,” – в ответ прошептала я.

“Зачем тебе это нужно?”

“Расскажи мне самую безумную вещь в твоей жизни.”

“Я выращиваю морковь,” – непринужденно сказал Оскар.

“Что?”

“В центре оборудован огород, и у каждого пациента есть своя грядка. Когда я пришел в магазин за семенами, там была только морковь. И то, самый поздний сорт.”

“Какая у тебя мечта?”

“Подняться на самую высокую точку Гранд Каньона другим человеком.”

Оскар посмотрел в сторону окна. Я невольно улыбнулась уголками губ и опустила голову вниз. Не хотела, чтобы он, вдруг, заметил мою улыбку. Наблюдая краем глаза за его дыханием, у меня создавалось впечатление, что мы дышим в одном ритме, одним воздухом, с одинаковой силой и глубиной.

“Морковные горы,” усмехнувшись, я разрушила тишину между нами.

“Что?”

“Почва Гранд Каньона лежит слоями, как огромный пирог, а ее цвет напоминает морковный, потому и морковный пирог. Просто «покорить морковные горы» звучит лучше, чем «покорить морковный пирог».”

“Ты о чем?”

“Я должна помочь совершить тебе 19 безумств, по одному за каждый год твоей жизни.”

“Чего ты хочешь добиться? Мой диагноз... его нужно принять и все. Врачи сами не знают, как это лечится.”

“А ты? Ты хочешь стать счастливым?”

“Это невозможно.”

“Возможно все, чего мы искренне хотим!”

“Если человек умер, одно желание его не воскресит. Его вообще ничего не воскресит.”

“Человек жив, пока о нем помнят; он жив в наших сердцах, живы воспоминания о нем. Его нет физически, и это мало, что меняет, но...”

“Воспоминания лишь причиняют боль, так что, моя болезнь не так уж и плоха,” Оскар запрокинул голову назад и размял шею.

“Знаешь, когда появляется первая морковь, она считает, что вся ее жизнь – темнота, что земля обязательно холодная. А когда она полностью вырастает, у нее появляется шанс почувствовать настоящий мир. Мир, в котором есть воздух; мир, в котором светит солнце, в котором существуют цветы, бабочки, дождь. И она это чувствует: начинает лучше расти, становится крепче и слаще. Но у морковки нет сердца, а у тебя оно есть, и его отсутствие нисколько не мешает ей быть счастливой морковкой. Пойми, мир, в котором мы родились, это не мир, в котором мы будем жить дальше. Что-то зависит от нас, и мы в силах это изменить, а что-то решает за нас судьба и воля случая. Мы лишь должны хвататься за любую возможность, даже тогда, когда шансов на победу вообще нет. Мы должны покорять, а затем сворачивать горы, добираться до самых вершин и кричать во весь голос..! Так что, давай свернем, хотя бы, морковные горы!”

Оскар странно смотрел на меня и не говорил ни слова. Меня сдавливал какой-то вакуум. Руки заледенели, и не хватало кислорода. Я ждала, когда Оскар засмеется над той глупостью, что я только что говорила на полном серьезе. Чем дольше я находилась в ожидании, тем невыносимее это было.

“Я вчера посадил. Успею?”

Я засмеялась и с облегчением потрясла головой. Мне было жутко неловко стоять перед ним и смотреть в глаза. От волнения я почесала нос, поправила волосы и натянула на плечи

спадающую кофту. Нервно улыбнувшись, я пожала плечами и наклонила голову набок, незаметно указав на окно. Оскар продолжал смотреть на меня еще несколько секунд, а потом улыбнулся. Я знала, что он сделал это просто так, без всяких эмоций, но она была искренняя. Он оттолкнулся от стены, взял с полки ключ и вышел в коридор. Засунув руки в карманы, он покачивался с пятки на носок, продолжая загадочно смотреть на меня. Я последовала за ним. Мы спустились на первый этаж и вышли за территорию.

“Я спокойно могу отсюда выходить, пошли,” – опередив мой вопрос, ответил Оскар.

Я застыла на месте и потеряла губу; на лице снова появилась улыбка. Деревья росли близко к обочине и друг к другу, образуя тоннель, едва пропускающий солнечные лучи. Я задрала голову вверх и вдохнула полной грудью. Свежий и холодный воздух с запахом океана и недавнего дождя растворялся внутри меня. Машин не было – мы с Оскаром шли посередине дороги. Асфальт под ногами стал темно-серым, и местами проглядывали маленькие лужи. По всей длине обочины цвели маргаритки – я их обожала.

Поправив на плече рюкзак, я откинула назад развевающиеся волосы и украдкой взглянула на Оскара. Он шел, опустив голову, и пинал маленькие камешки. Руки были в карманах. Он был где-то не здесь, где-то далеко от меня и от всего, что нас окружало. Казалось, что весь туман окутал его стройную фигуру, как какой-то защитный купол. Он, словно, притягивал его к себе. Я долго думала, стоит ли начинать с ним разговор. Но, как бы я ни старалась придумать наиболее тактичный вариант, мои мысли оставались вне моей головы. Мы промолчали до самой остановки. Иногда я думала, что Оскар вообще не помнил, что я шла рядом.

Глава 3

“Куда мы идем?” – Наконец спросила я.
“*Eléctrico de Sintra*, не против?”

Eléctrico de Sintra – 13-километровая трамвайная линия (шириною в метр) от города до курорта *Praia das Maçãs*. По ней ходит 11 старинных вагонов, которым больше ста лет. Трамвай ездит со среды по воскресенье, сегодня была суббота.

Добравшись до места, откуда ходит трамвай, там собралась огромная толпа туристов. Когда подошла наша очередь, нам попался открытый моторный вагон без застекленных окон. Это было даже хорошо. Оскар сунул водителю 6 евро, запрыгнул и протянул мне руку. Я неуверенно взяла ее и подтянулась за Оскаром. Мы сели в самом конце, у окна. Я разжала кулак, моя ладонь до сих пор чувствовала прикосновение руки Оскара. Мягкое и холодное.

“И... до куда мы поедem?”
“До конечной, это всего 45 минут,” – непринужденно бросил он. “Маргарет?”

Оскар окликнул меня, и я поняла, что за все время ни разу не представилась. Откуда он узнал мое имя? Я медленно повернула голову и обхватила сидишку кресла пальцами. Мое сердце забилося слишком быстро, мне казалось, что Оскар слышал его стук. Я ужасно нервничала, но не понимала, почему.

“Тебе со мной страшно?”
“Нет! Просто, ты такой отстраненный, я не хочу надоедать вопросами.”
“Ты не можешь надоесть, тем более, мне. Я же не умею злиться.”

За секунду меня бросило в жар, живот скрутило, а сердце успело сделать тройное сальто. И все произошло, пока я неизменно смотрела на Оскара. Глупое тело! С какой-то стати, на долю секунды, мне показалось, что в его словах было что-то особенное... пока он не договорил до конца, и я не вспомнила, что ему все равно.

“Как ты...” Слова застревают в горле, “оказался здесь?”

“Примерно 4 года назад я решил, что будет лучше, если останусь в Центре. Не хотел всю жизнь прожить один. У меня там... ничего нет, понимаешь? Я не могу любить, не могу чувствовать. Я понятия не имею, каково это быть счастливым..!”

“А родители?”

“Мне на них наплевать точно также, как и им на меня. Я п.. пытался их полюбить, пытался создавать видимость, что счастлив рядом с ними, но это была ложь.”

Мне стало очень грустно. Человек, сидящий передо мной – я восхищалась его выбором. Он ушел, потому что не был принят в собственной семье. Людьми, которые должны были поддерживать и оставаться рядом, не смотря ни на что.

“Мне правда жаль,” мой голос дрогнул.
“Жалость – плохое чувство! Даже, тогда, когда нет ни одного!”

Я наклонилась на железную раму, выполняющую роль окна и, натянув рукава кофты, легла щекой на согнутые локти. Ветер приятно касался моей кожи и аккуратно, как струны гитары, трепал волосы. Морской воздух ударял прямо в нос, а крики звоном отдавались в сердце. Трамвай покачивался из стороны в сторону, издавая легкий скрип. Дорога вышла к океану. За все время, пока я жила в Синтре, мне так и не удавалось прокатиться, но благодаря скромному парню, сидевшему в паре сантиметров от меня, я смогла ощутить свободу. Простой момент, в котором не было магии или чего-то особенного, таким его сделал Оскар, сам того не понимая. Теперь, я хочу сделать тоже самое – позволить ему, хоть на миг, почувствовать свободу.

Я осторожно дотронулась двумя пальцами до руки Оскара и поджала губу. Он медленно развернул ладонь и слегка сплел наши пальцы. Я была неподвижна, как и он, но мой организм взрывался и воспламенялся изнутри. Заморосил дождь.

Через полчаса мы доехали до конечной станции. *Praia das Maçãs* – один из лучших пляжей Синтры, здесь всегда много людей. Я накинула рюкзак и спустилась с трамвая. Раздался не продолжительный гудок, и ярко выкрашенный выгон тронулся с путей в обратную сторону. Оскар побрел в сторону пляжа, уже привычно для меня, засунув руки в карманы. Я догнала его и остановилась у линии, где начинался песок.

“Идем,” – встав спиной к океану, крикнул он.

Я опустила на корточки и потрогала золотистый песок. Он был горячий и сухой, сохранивший в себе недавние лучи солнца. Неторопливо дойдя до воды, я обернулась на следы от белых кед. Крошечные песчинки, прилипшие по бокам, походили на блестки из магазина. Оскар стоял у самого берега и пристально смотрел вдаль. Сильный ветер сдувал с меня кофту и, еще сильнее, путал пепельно-русые волосы Оскара. Я встала перед ним и, щурясь, уставилась в глаза. Они были нереальные. В них отражались воздушные облака и бирюзовый океан; кажется, я заметила парящих в небе чаек... Я утопала в его глубоком и завораживающем взгляде. Он не моргал, смотрел сквозь меня. Бледная кожа покрылась мурашками, он напряг скулы и опустил глаза на меня. Я хотела что-то возразить, но не смогла. Оскар стянул с себя одежду, разулся и зашел по щиколотку в воду.

“Я хочу искупаться, можешь подержать?” Он протянул сложенные вещи.

Прижав одежду к себе, я обхватила себя за локти и сделала шаг к воде. Пена едва не доставала до носков обуви. На мокром песке оставались разводы и следы чаек. Я поймала себя на мысли, что мне нравится, как приятно пахнет его одежда. Незаметно понюхав ее, я огляделась по сторонам и сделала вид, что все в порядке.

“Идем сюда,” – крикнул из воды Оскар.

Он потряс головой, брызги разлетелись во все стороны и упали на него дождем. Я ухмыльнулась и отрицательно покачала головой. Оскар встал туда, где мелко и попрыгал на одной ноге, пытаясь вытряхнуть из уха воду. Меня привлек черный плетеный шнурок на его шее, из-за него кожа выглядела еще светлее. Когда он подошел ко мне и попросил футболку, я застыла, как вкопанная, и уже не смогла оторвать взгляд. Руки, спина, плечи, грудь, живот – все было в старых шрамах. Опомившись, до меня дошло, что я, не моргая, пялилась на голое тело Оскара. Мне стало стыдно, отвернувшись в направлении океана, я на ощупь протянула оставшиеся вещи. Боковым зрением я заметила, что Оскар молча смотрела на меня.

“Это...” Тяжело вздохнув, начал он.

“Т.. ты... боже, не надо, прости, пожалуйста.” Перебив его, выпалила я. “Это я не должна б.. Ты не обязан. Прости...” Я перевела дух. Мой голос звучал максимально жалобно.

“Хочешь кофе?”

Всю дорогу до кафе я не разговаривала. У прилавка Оскар попытался заплатить за нас обоих, но я не позволила и выложила последние 2 евро. Я выбрала столик у окна и взяла баночку с корицей. Оскар бесконечно проводил пальцами сквозь мокрые волосы, делая их торчащими вверх. Я, не останавливаясь, мешала свой кофе.

“Прошу, не думай об этом.”

“Я не смогу, Оскар! Скажи, кто я такая, чтобы хоть чуть-чуть представлять, что ты пережил?!” Я ударила по столу и вытаращила глаза.

“Ты дала обещание...”

“Как ты заболел?” Я проигнорировала его слова.

“Ты правда хочешь все это выслушивать?”

“Да,” уверенно ответила я.

“В детстве я был нормальным, но 90% моих чувств составляла боль. Ужасная и смертельная боль. Боль, которая сжигала меня изнутри, моя душа со стремительной силой превращалась в один ничтожный уголек. У меня не было другого выхода. Я бы не смог...”

“Но как?”

“Аффирмации. Убеждал себя, что не чувствую боли, пока в один прекрасный момент не понял, что она прошла. Совсем, навсегда и безвозвратно.”

“Значит, все можно исправить! Все в твоей голове; это лечится. Т.. ты можешь быть здоров, ты можешь любить и быть счастливым..!”

“Не надо.”

“Почему так?” Указав на руки, тихо спросила я.

“80% боли.” Оскар замолчал.

Слезы брызнули из глаз. Лицо так сильно защипало, будто в них соли было больше, чем в океане. Я натянула рукава и смущенно вытерла щеки. Я не должна плакать. Не должна!

“Ну, и что я говорил про жалость? Ты, вроде, должна веселить меня и заставлять снова любить жизнь, а не плакать о моем «счастливом» детстве.”

Я шмыгнула носом и посмотрела Оскару в глаза. Он потерял чувства, эмоции, ощущения, но кое-что, чего он сам не замечает в себе, осталось. Он умеет шутить. Я рассмеялась и сделала глоток остывшего кофе.

Глава 4

Мысли:

Маргарет Коннор. Так ее зовут... Наверное, я никогда прежде не встречал столь смелого и искреннего человека, как она. Вся ее теория напоминала мне мысли наивного доброго ребенка, чьи мечты еще не были разрушены жестокими взрослыми, которые потеряли навык мечтать и безоговорочно любить. Если она и вправду так считает, не боясь говорить открыто, значит у нее дар – дар быть неподдельно счастливой.

Ведь, ее рыжие волосы не могут быть совпадением точно также, как и наш разговор о моркови. А может, мне просто хочется так думать и верить, что когда-нибудь я смогу покорить ее Морковные Горы...

Когда ты не способен чувствовать, единственное, что может тебе помочь – это знаки. Ты сумасшедший реалист, отрицающий любые невозможные вещи. Я безнадежный пессимист.

Физические ощущения:

Ничего. Как всегда – ничего. Даже, когда держал ее за руку, это были обычные руки...

Психологические ощущения:

Ничего. Она заплакала, а мне было все равно. Эгоист. Сначала, конечно, хотел подойти, так было бы правильнее, но потом передумал. Некрасиво, когда девушка плачет, но я не хочу давать ей ложную надежду.

Глава 5

Я вернулась домой. В квартире было душно и темно. Погода совсем испортилась. Небо почернело, создавалось ощущение позднего вечера. Я разулась и, скинув вещи по пути на балкон, настезь распахнула все окна. Вот-вот должен был пойти ливень, еще чуть-чуть, и небо разорвется под тяжестью, скопившейся в свинцовых тучах, холодной воды. Беспокойные крики чаек доносились с разбушевавшейся Атлантики. Приближалось время прилива.

Я размяла спину, сделала как-попало хвост и зажгла свет у кухни. Вскипятив чайник, я завалилась на диван. Уткнувшись лицом в подушку, я накрыла голову пледом, мысли в голове путались. Я повернулась на бок и свесила ногу на пол, скинув плед и подушки, повисла вниз головой. С балкона тянуло свежестью и запахом дождя. Я закрыла глаза. К голове приливалась кровь. Дотянувшись до ноутбука, я залезла в поисковик и набрала Wikipedia.

Алекситимия – затруднения в осознании и словесном описании собственных чувств или трудности в вербализации эмоций; особый стиль мышления с бедностью символизации; трудности разведения эмоциональных состояний и телесных ощущений, с периодическими вспышками гнева или слезливости, но неспособности объяснить свои переживания при распросах.

“Может включать следующие особенности:

- 1. затруднение в определении и описании (вербализации) собственных эмоций и эмоций других людей;*
- 2. затруднение в различении эмоций и телесных ощущений;*
- 3. снижение способности к символизации, в частности к фантазии;*
- 4. фокусирование преимущественно на внешних событиях, в ущерб внутренним переживаниям;*
- 5. склонность к конкретному, утилитарному, логическому мышлению при дефиците эмоциональных реакций...*
- 6. сложность выявления разных типов чувств*
- 7. ограниченное понимание того, что вызывает чувства*
- 8. трудность распознавания лицевых сигналов в других*
- 9. сверхчувствительный к физическим ощущениям...”*

“Можно выделить 4 модели возможной этиологии алекситимии...”

Одна из них – защитный механизм, складывающийся с детства, как изоляция аффекта и способ защиты от большого количества негативных эмоций. В то время как другие дети учатся воспринимать и коммуницировать свои эмоции, эти дети должны бороться за выживание в климате родительской семьи”.

“Рассматривается как фактор риска психосоматических заболеваний...”

“Точные причины развития алекситимии неясны...”

“Больные соматоформными расстройствами чаще пребывали в ситуации хронического повседневного стресса, проживая в семьях, где практиковалось насилие и драки между членами семьи. Выявлены многочисленные дисфункции семейной системы, в которой выросли больные соматоформными расстройствами...”

“Установлено, что первичная алекситимия плохо поддается психотерапии. В то же время, психотерапия вторичной алекситимии бывает эффективной...”

Перед глазами мелькали фразы и научные статьи. Я шелкала на различные источники. Страница за страницей открывалась в новой вкладке.

“Одни люди, больные алекситимией, с трудом выражают свои эмоции и чувства, тогда как другие даже не осознают их. Стараясь найти связь со своими эмоциями, "алексы" часто проходят свой жизненный путь в одиночестве...”

Окно хлопнуло с огромной силой и раздался гром. Я резко обернулась к окну. Пошел сильный ливень. Дождь был такой сильный, что я почти не видела океан. Город оказался под плотной белой шторой из воды.

Мой взгляд остановился на ватмане с чертежами, прикрепленным в углу комнаты. Он был обклеен стикерами с заметками, исписан сносками, маленькими эскизами и зарисовками. Как же я могла забыть про вступительный проект для университета?

Я встала из-за стола и начала кругами ходить по комнате, сильно расчесывая кожу на шее и за ушами, одновременно, пытаюсь найти очки. Такие большие, квадратной формы из прозрачного пластика. Они постоянно терялись в стопках рисунков и расставленных макетах. У меня был жуткий беспорядок. Я выпила стакан холодной воды и достала коробку с маркерами, никак не могла понять, чего не хватает в финальном чертеже. Сняв зубами колпачок, я провела желтую линию через весь чертеж и отошла назад. Откопав в ящике желтую бумагу, я отрезала полоску и прикрепила ее к основному макету. Мне срочно требовался тонкий прозрачный пластик для окон. Я никогда прежде не использовала ничего, кроме бумаги. Я считала неприемлемым добавлять другие материалы и фактуры, но сегодняшней день вдохновил меня на что-то новое. Я безумно хотела сделать что-то стоящее, а не простой торговый центр с фудкортом; я хотела сделать то, что сможет кардинально изменить жизни других людей. Я хотела рассказать историю.

Для этого мне нужен Оскар.

Через 2 часа мой пол, диван, стол и холодильник были завалены еще одним десятком объемных фигур и бумажных деревьев всех размеров.

В 7 утра зазвонил Skype. С трудом открыв глаза, я вскочила из-за стола. Шея затекла, а на щеке отпечатались графика с бумаги. Я смахнула все на ковер и поставила ноутбук на кухонный стол.

“Дэн! Почему так рано?” Неожиданно для себя, бодро крикнула я.

“Маргарет, я тебя не вижу, ты где?”

“Готовлю завтрак, ты меня разбудил. Разве мы на сегодня договаривались?”

“Как прошла неделя? Таблетки подошли?”

“Дэнни, что бы я без тебя делала.”

Я перевела взгляд на большую банку с таблетками. Она так и осталась в упаковке от аптеки. Подогрев кокосовую запеканку, я села перед экраном. Дэн был психотерапевтом, с которым у меня проходили консультации. На них настояла мама. Я делилась с ним всем; наверное, он был мне больше другом, чем психологом. Отец Дэнни работал в маминой больнице, они хорошо ладили, и кому, как ни ему, мама могла доверить лечение своей единственной дочери. А еще, Дэн был лучшим другом моего брата Итана, они вместе учились в мед. институте Лиссабона.

“Слушай, Мэгс, твоя мама волнуется насчет поступления. Сказала, что..”

“Дэн, я не стану врачом. Пусть, хоть кто-то, наконец, поймет это.” После паузы я продолжила. “Скажи, ты же знаешь, что такое алекситимия?”

“Почему ты спрашиваешь? Из-за таблеток?”

“Я их не принимала,” – ковыряя запеканку, ответила я.

“Мне нужно понимать их реакцию на твой организм. Ты должна их принимать! Давай при мне.”

Я замерла и испуганно посмотрела на Дэна. Он не шутил. Дрожащими пальцами, я открыла крышку и высыпала на ладонь две круглые таблетки. Я не хотела их принимать, потому что всячески отрицала свою “болезнь”. Родители считали, что я слишком нервная и агрессивная, что способна на “необдуманные поступки”, но мне так не казалось. Я всегда поступала осознанно и умела контролировать себя.

“А какое у них действие?” Вдруг, задумавшись, спросила я.

“Это очень мощное успокоительное, при сильном стрессе срабатывает, как моментальный транквилизатор. Кстати, сравнимо с алекситимией.”

“А если предположить, что человек с алекситимией получит сильный эмоциональный стресс или испытает сильную эмоцию, он сможет выздороветь?”

“Если она вторичная, то шансы есть.”

“А если научиться сопоставлять физические ощущения и соответствующую им эмоцию? Или... гипноз? Самовнушение?” Осторожно спросила я.

“Зачем тебе это? Каждый случай индивидуален.” Дэн нахмурился.

“Дэн, прости, мне нужно быть в... институте к 8 часам. Давай продолжим вечером?”

“Нет проблем.” Дэн завершил звонок.

Конечно, я ему соврала. В институте мне нужно быть завтра. На самом деле, я не хотела продолжать разговор, потому что мне в голову пришла идея. Я собралась ехать к Оскару.

Как ни странно, погода сегодня была замечательная. Не сравнить со вчерашним днем. Я надела льняное платье и круглые солнцезащитные очки. Рюкзак сюда не подходил, и я нашла в шкафу тканевую сумку через плечо. Вставив ключ в дверь, я вернулась в квартиру и сунула таблетки в сумку.

Чтобы добраться до Оскара, мне требовалось минут 30-40. Я запрыгнула в автобус и надела наушники. Всегда включала один и тот же плейлист, когда куда-нибудь ехала. Он о многом мне напоминал, например, о Саммер. Мы знали эти песни наизусть и слушали на повторе. Как же я по ней скучала...

Проехав несколько остановок, я достала телефон и попыталась найти “Оскар Грин” хотя бы в одной социальной сети. Поиск не дал результатов. Я, почему-то, не удивилась. Он был не из тех, кто одержим интернетом и бесконечными переписками; я вообще не уверена, что у него есть телефон.

Я выглянула в окно, в сухую солнечную погоду *Castelo dos Mouros* выглядел не так мистически, как в туман. Он утрачивал свою магнетическую притягательность и становился обыкновенным замком, затерянным в глубине высоких деревьев. Тишину заменяли голоса туристов и автомобили.

Автобус резко затормозил на повороте, и я, ударившись плечом, выронила телефон. Ударившись о железное крепление, он отлетел в другой конец автобуса. Я схватила сумку и бросилась к выходу. Экран телефона покрылся паутиной из трещин и больше не включался...

Охрана отказывалась меня пускать, так как я забыла пропуск в другой сумке, а позвонить Саре они не могли. Пнув от злости лежащий камень, я села на лавочку и откинулась назад.

“Тебе помочь?”

За секунду я узнала этот голос. Никакое событие не могло поколебать такое твердое равнодушие. Я стыдливо подняла глаза на Оскара и прикусила губу. Не хотела знать, сколько он так наблюдал за мной.

“Я направлялась к тебе, но... что-то пошло не так,” вздохнула я.
“Зачем пришла?”

Оскар сунул руки в карманы и харизматично посмотрел на меня. Мое вчерашнее предположение подтвердилось, но я пока не хочу ему об этом говорить. Алекситимия Оскара вторична, он сам создал ее у себя в голове, заблокировав базовые эмоции. Те, что он чаще всего испытывал, те, что заставляли его страдать и чувствовать боль. Но, в добавок к ним, Оскар избавился и от положительных. От любви, так как никогда ее не ощущал, от счастья, так как уже не надеялся быть счастливым. Но не знал, что второстепенные эмоции, как юмор, харизма, сомнение – они остались в нем и вышли на первый план.

“Прогуляемся?” Стараясь скрыть неконтролируемую улыбку, предложила я.

В моей голове было куча вопросов, на которые я боялась услышать ответ. Я не хотела лезть в его жизнь, погружать в воспоминания, которые, возможно, он стал забывать.

“Если честно, я не думал, что ты вернешься,” неожиданно начал Оскар. “Ты эмоциональный человек, которому нужен такой же эмоциональный человек. А я ужасный зануда.”
“Ты хороший. Я вчера читала про твою болезнь, про симптомы и проявления, хо..”
“Зачем?”

Оскар резко остановился и потянул меня за плечо к себе, прямо за уши. Сжал его так, что у меня чуть не выступили слезы. Я непонимающе смотрела на него. Мимолетный страх пробежал по телу. Его взгляд был надменным и презирающим. Наверное, он не привык к чье-либо заботе и смирился с такой жизнью. Я попыталась что-нибудь ответить, но Оскар сжал меня еще крепче, а потом отпустил.

“Попытаешься помочь, я сделаю все, чтобы ты здесь больше не появлялась, поняла?”

Он пристально глядел, а его глаза, будто бы покрывались льдом. Оставив меня стоять посреди дороги, Оскар отошел на метр вперед. От обиды я не могла ступить и шагу, ноги окаменели. Я подняла очки на волосы и обхватила пальцами виски. Мне казалось, что я смотрела в никуда, смотрела и ничего не видела, пока не почувствовала рывок и удар о землю. Переведя дыхание, я приподнялась на локтях и обнаружила Оскара лежащего рядом со мной. Я оглянулась на дорогу и увидела удаляющийся мотоцикл. Судорожно отряхнув колени, я присела на одну ногу и помогла Оскару подняться. У него шла кровь. Я не могла дышать спокойно, сердце билось 180 ударов в минуту, все кружилось перед глазами. Я перерыла сумку и достала бутылку воды. Открутив крышку, я, морщась, полила на рану Оскара. Трясущимися руками, я перевязала ее тканью и сделала глоток. Мои ладони и колени были в земле. Я потеряла нос

и, наклонившись вперед, напрягла мышцы живота, но это не помогло. Слезы полились рекой. Все вокруг превратилось в одно большое мутное пятно. Я так громко всхлипывала, что закладывало уши. Не знаю, от чего я плакала: от боли, от обиды, от того, что день не задался с самого утра или от того, что чудом осталась жива. Затолкав вещи в сумку, я кое-как встала на ноги и медленно захромала в сторону остановки. Я даже не заметила, как Оскар схватил меня и, развернув, одной рукой прижал к себе. Ударив ладонью в грудь, я обхватила его и, сжимая кофту, уткнулась носом в плечо. Я не переставала плакать. Мне было стыдно, что он видел меня такой, но не могла. Я пыталась вдохнуть его запах, чтобы запомнить, отложить где-то в голове, но мой мозг отказывался воспринимать любую информацию. Я вообще не была уверена, что трезво оценивала ситуацию. У меня случился нервный срыв.

“Мэгги, прости меня, прошу,” Оскар шептал мне это в ухо, повторяя много-много раз.

Он назвал меня *Мэгги*... Одно слово. Слезы не останавливались. Я не хотела, чтобы он меня отпускал, потому сжимала кофту еще сильнее.

“Я... ням.. тм..”

Пытаясь вытолкнуть из себя нормальную речь, я почувствовала, как Оскар прислонился губами к виску и, едва ощутимо, напряг их. Это было меньше, чем самый формальный поцелуй, но его хватило, чтобы пустить по телу электрический ток. Я отстранилась назад и, наконец, вдохнула полной грудью.

Глава 6

Я вытянула ноги вперед и осторожно положила одну на другую. Прохладный ветерок смягчал лучи палящего солнца на коже. Оскар вернулся и присел рядом со мной, держа в руках два стакана лимонада и упаковку пластырей. Я заклеила колени и взяла стакан с трубочкой.

“Как рука?” Спросила я.

Заметив, как Оскар попытался открыть стакан одной рукой, я оставила свой и помогла поддеть крышку. Оскар неуверенно сглотнул и перевел взгляд на меня. Его левая ладонь была крепко замотана и перевязана на запястье. Сквозь повязку сильно проступила кровь. Я растерялась и отвела глаза. Пульс учащался, сердце вот-вот было готово вырваться наружу. Лед таял, и мои пальцы начали неметь от холода. Стакан покрылся конденсатом. Я вытерла руку и, заправив волосы за ухо, выпрямила спину. Набравшись смелости, я откашлялась и, облизав обветренные губы, тихо произнесла.

“Ты, не задумываясь, спас меня. Почему..?”

“Я не знаю.”

“Я... должна объясниться перед тобой. Сегодня все пошло не так с самого начала – я не смогла сдержать эмоции. Все вылилось на тебя, это было глупо.”

“Если ты все еще хочешь мне помочь...”

Его рука коснулась моей и наши пальцы переплелись. Чувствуя пристальный взгляд Оскара, я повернулась к нему. Моя рука лежала в его и казалась такой маленькой. У него была бледная прозрачная кожа с покраснениями от падения. Я провела по тыльной стороне его холодной руки, мой палец наткнулся на небольшой шрам. В животе все перевернулось. Я резко почувствовала боль в том же месте, что у него, только уже на своей руке и ослабила хватку. Откуда-то заиграла одна из песен, которые я слушала в автобусе. Громко выдохнув, я достала из сумки банку таблеток.

“Я хочу понять, как ты ощущаешь мир.”

“Что?”

“Как ты это делаешь?”

“Никак,” – он пожал плечами. “Существуют разные версии этой болезни. Кто-то все чувствует, но не может описать; кто-то даже не чувствует; кто-то не способен представлять и фантазировать, а кто-то является прекрасным художником; кто-то не чувствует боли, а кто-то фокусируется только на тактильных ощущениях и от этого сильно страдает; кто-то, даже, не может различать эмоции других людей.”

“А ты?”

“Я различаю эмоции, хорошо чувствую физические ощущения, но в сердце... ничего нет – там пустота.”

“Я хочу встать на твое место и увидеть мир твоими глазами, почувствовать жизнь так, как чувствуешь ты. А ты ее чувствуешь!”

“Зачем и как ты собираешься это сделать?!”

На каком-то сайте я вычитала, что в основе эмоционально-чувственной сферы человека лежат телесные ощущения – например, когда мы видим возлюбленного, мы чувствуем, как

подпрыгивает сердце; а когда испытываем гнев, часто ощущаем желудочные спазмы. Наш мозг приписывает каждому из этих ощущений определенную ценность – тогда мы знаем, позитивное оно или негативное, сильное или слабое. Так аморфные ощущения обретают форму и у эмоции появляется некий осознанный образ.

При алекситимии большинство людей живет лишь физическими ощущениями, хотя некоторые эксперименты опровергают и эту теорию. Также, ученые предположили, что это может быть вызвано нарушением нормальной коммуникации между двумя полушариями мозга, которое препятствует передаче сигналов из эмоциональных центров, находящихся преимущественно в правом полушарии, левополушарным центрам, отвечающим за речь.

Другой причиной может быть недостаток серого вещества в центрах поясной коры, отвечающих за самосознание, который блокирует сознательное представление эмоций.

Также, предполагалось, что страдающие алекситимией люди на глубинном уровне чувствуют как все и что они неспособны лишь описать свое эмоциональное состояние словами.

Так как Оскар может чувствовать физические и тактильные ощущения, его можно обучить сопоставлению ситуации и их проявлений, но сначала, перестану чувствовать я.

“Каждый день ты будешь пробовать что-то новое, получать эмоциональный шок или совершать безумства, затем фиксировать физические ощущения и сопоставлять их с понятиями эмоций, которые допустимы в этих ситуациях.”

“Бред.”

“Нет, это сработает, вот увидишь!” Воодушевленно воскликнула я.

“И каков план?”

“Эти таблетки очень сильные, они действуют по принципу успокоительного. Я выпью и..”

“Ты с ума сошла?” Оскар схватил меня за руку.

“Ничего не будет, они мне прописаны, просто я приму чуть больше.”

“Это так не работает, ты будешь вялой и обессиленной, но, если ты влюблена, чувства не пройдут.”

“Проверим? Моя реакция станет заторможенной, я буду равнодушной ко всему. К тому же, после всего мне действительно требуется успокоительное.”

Я открыла крышку и высыпала на руку 4 таблетки. Оскар внимательно наблюдал за моей реакцией. Запив их остатками лимонада, я поднялась и махнула Оскару.

Через минут 20 я перестала чувствовать боль от ушибов, тело стало ватным. Я безумно хотела спать. Голова потяжелела и я слышала белый шум в ушах. Пульс замедлился на десяток единиц, сердце вообще не отзывалось в груди, будто, его там и не было. Больше я себя не ощущала. Словно, выпала из реальности, превратилась в огромный мыльный пузырь и лопнула. Частички моей души были повсюду, кроме моего тела. Должно быть, я выглядела, как человек, который находился в коме и, вдруг, решил прогуляться.

“Кстати, ты составил список безумств?” Пробормотала я.

“Я пока пишу, они должны быть обдуманными,” Оскар сунул руки в карманы.

“Безумства, в принципе, не могут быть обдуманными, потому что их, вообще, не нужно совершать, но, в данном случае, они необходимы,” я вздохнула.

“Пойдем, я отведу тебя.”

Я пыталась сопротивляться, но быстро сдалась и последовала за ним. Глаза слипались, и я мало, что соображала. Я готова была лечь, хоть на землю, и уснуть. Мне было все равно. Оскар шел рядом, то и дело, придерживая меня от очередного падения.

Я не успела понять, как оказалась в комнате Оскара, у меня не было сил ни сидеть, ни стоять. Он обещал скоро вернуться. Я послонялась по комнате и аккуратно легла на край кровати, чтобы не помять, и прижала сумку к себе. Я даже не разулась, просто согнула ноги в коленях, и на секунду прикрыла глаза.

Глава 7

Мысли:

С ней не соскучишься... У нее невероятное количество эмоций и сил, чтобы их испытывать. Не представляю, как в ней помещается такой объем чувств, переживаний. Она взрывная.

Маргарет уснула у меня на кровати, свернулась в клубок. Красивая... наверно. Я ее сегодня за руку взял, она коснулась моих шрамов, но ничего не сказала. Попыталась почувствовать мир так, как “чувствую” я, правда, таблеток перебрала, но я ей благодарен. Благодарен за то, что она пытается помочь, когда я не просил (хотя, не до конца понимаю, что значит “быть благодарным”). Но я уже понял, что ей нельзя отказывать, она землю перевернет, но своего добьется.

Физические ощущения:

Я, скорее, прижал к себе одной рукой, чем обнял. Она обхватила меня и крепко держала. Было непривычно, в какой-то момент я пожалел, что сделал это. Но ей было важно это.. “объятие”. Я прислонился губами, но не поцеловал, не имел права. Не особо что-то и почувствовал.

Психологические ощущения:

Наверное, она хорошая. Но я ничего не чувствую и, если честно, вообще не понимаю, зачем все это пишу, потому что ни в чем не уверен!

Глава 8

Открыв глаза, я осмотрела комнату, точнее, то, что было видно с кровати. Серо-синий пол, дверь в ванную комнату, невысокий шкаф. Я приподнялась на локте и зевнула. Во рту все пересохло, и хотелось пить. Я размяла шею и склонила голову набок. Тело затекло, я пролежала в одном положении какое-то время. Свесив ноги на пол, я сидела сонная, обнимая сумку на коленях. Никак не могла проснуться. Я сняла резинку с запястья и сделала хвост. В комнате было пусто и прохладно. Шум с улицы доносился из распахнутого окна. Ярко светило солнце, освещая угол комнаты передо мной золотым цветом. Я встала и медленно ее обошла. Меня потрясывало из-за сна. Кругом был идеальный порядок и стерильная чистота. Плоскости на столе, шкафу, прикроватной полочке и кресле пустовали. Вещи лежали на своих местах свернутые и чистые. На свету не было видно ни одной пылинки. Меня перекосило от такой идеальной комнаты, когда я вспомнила свой арт-беспорядок.

Случайно заметив на стене часы, я ужаснулась. Неужели, я проспала 7 часов?! 7 часов в комнате Оскара..? Какой позор... Я поправила плетеные шлепки, схватила сумку и вышла в коридор. Мне нужно было позвонить, срочно! К счастью, на каждом этаже располагался телефон. Перекинув через плечо сумку, я на цыпочках добежала до него и наспех набрала номер.

“Саммер?” Стараясь говорить, как можно, тише, выпалила я.

“Маргарет! Почему ты мне не отвечала? Ты знаешь, что я 3-й час жду у квартиры?!”

“Тише, пожалуйста, я все тебе объясню, обещаю... Подожди еще полчаса, я скоро буду.”

“Где ты сейчас?”

“В.. больнице, я... ходила за направлением к психотерапевту, а телефон разбился и не включается.”

“Ладно, но помни, что сегодня вечером мы идем в клуб!”

Я повесила трубку и сползла вниз по стенке, уткнувшись лбом в колени. Чувство стыда меня съедало. Я не хотела встречаться с Оскаром, потому что не могла смотреть ему в глаза. Но и уйти без объяснений я тоже не могла. Я уже столько раз выглядела глупо и смешно, что извинения звучали еще хуже. Какой кошмар... Мой взгляд упал на знакомую обувь, сделав глубокий вдох, я закатила глаза. Оскар засунул руки в карман и облокотился плечом на стену.

“Ты чего здесь сидишь?”

“Слушай, можно я просто пойду?”

Не останавливаясь, я обошла Оскара и свернула к лифту. Нервно нажав на кнопку раз 30, я психанула и спустилась по лестнице. Избегая прямых взглядов сотрудников, толкнула стеклянные двери и вылетела на улицу. Помахав первому встречному автобусу, я остановила его, чуть ли не посреди проезжей части и, не обращая внимания на недовольство водителя, залезла внутрь.

Взбежав по лестнице на свой этаж, я увидела Саммер. Девушку со смуглой кожей и густыми каштановыми волосами. Занятия теннисом положительно сказались на ее фигуре. Я искренне завидовала ее прессу и ногам. Она сидела, оперевшись на ярко-розовый чемодан с зеленой полоской, и что-то смотрела в телефоне. Я немного замялась; увидев меня, Саммер вскочила и повисла у меня на шее. Я чуть было не задохнулась от ее объятий.

“Саммер...” я расплылась в улыбке.

“Тебе предстоят долгие оправдания,” она погрозила мне пальцем и взялась за ручку чемодана.

“Понимаешь, я выпила слишком много таблеток и уснула, а когда пр..”

“Разве ты не в больнице была?”

“В больнице,” я поняла, как сглупила. “Я... выпила их вчера, потому проспала утренний талон и пришлось ехать после обеда.”

“Зачем психотерапевт?”

“Помнишь Дэнни?”

“Не говори, что он твой врач,” поспешно вставила Саммер.

“Ты будешь ему звонить?”

“Так, сегодня мы идем в клуб по случаю моего дня рождения. Мне 18, и я не хочу думать о прошлом, окей? Давай хорошо проведем время, мы давно никуда не ходили.”

Саммер взяла меня за руку и улыбнулась. Если честно, из нас двоих, я всегда считала Саммер лучиком света в нашей дружбе. И ее имя было тому доказательством. Одобрительно кивнув головой, я потянула ее к себе и обняла крепче прежнего.

“У нас есть час, чтобы привести себя в порядок,” Саммер расстегнула чемодан. “Как сказала Одри Хепберн: *“Жизнь как вечеринка. Наряжайтесь!”* Я надеюсь, ты прикупила что-нибудь для вечеринки?”

“Нет, я в своем.”

“Шутишь?”

Я ничего не ответила. Саммер обожала вечеринки и не могла дождаться своего совершеннолетия. Иногда, мне казалось, что ее жизнь, в прямом смысле, вечеринка, а она сама – настроение, создающееся на ней.

Я переоделась в льняные шорты с огромным бантом, льняную рубашку без пуговиц и прямым воротом, слегка открывающим плечи; достала из ящика кулон в форме самолетика, большие оранжевые часы, собрала волосы в аккуратный пучок и надела слипоны. На Саммер был обтягивающий топ бирюзового цвета, короткие джинсовые шорты, лимонные сандали на платформе и белые серьги-кольца. Волосы ровными локонами спадали на плечи.

“Вау, твой стиль неподражаем,” я усмехнулась.

“По-моему, мы создаем уникальный контраст,” она засмеялась и протянула мне тушь. “Макияж?”

“Нет-нет, я так пойду.”

Обреченно вздохнув, Саммер захватила сумку на цепи и вышла на лестничную площадку. Я смущенно улыбнулась и закрыла дверь на ключ.

“Я вызвала нам такси,” – высматривая машину, сказала Саммер.

“Не рановато для клуба?”

“Мы поужинаем вдвоем, поболтаем, а затем придет Марко и Хлоя.”

“Кто придет?”

“Они мои хорошие друзья, тебе понравятся!”

Я остолбенела. За все то время, пока я знала Саммер, были только мы. Я и Саммер, Саммер и я. Нам никто был не нужен. Вряд ли я бы могла найти более симметричного мне человека. Если выписать в два столбика все, что любит каждая из нас, вы не найдете разницы, не смотря на то, что совершенно разные снаружи. Мы были настолько идентичны и так хорошо знали друг друга, что никогда ни о чем не спрашивали, всегда знали, кто что захочет, как поведет себя в ситуации, что скажет и как отнесется.

Никто, кроме Саммер, не знал, какую музыку я слушаю, какие фильмы смотрю и что читаю – для меня это было серьезным шагом. Я где-то прочитала, что страх открыться даже самому близкому человеку называется эмоциональной недоступностью. Это понятие обычно применяют к тем, кто упорно выстраивает стену между собой и окружающими в попытке избежать душевной близости. Но для Саммер я открылась...

Я не могла запрещать ей общаться с другими людьми, но то, что ей может быть весело с кем-то еще, кроме меня... Я не привыкла делить близкого человека и не собираюсь к этому привыкать. Моя ревность вполне осознана, это то, как я вижу свои отношения с другими.

“Мэгс, идем!” Она махнула мне рукой.

Мы пришли в бар-ресторан. Часть пространства была оборудована под уютный ресторанчик, а вторая под бар. По словам Саммер, мы переместимся туда через некоторое время. Сделав заказ, я положила на стол коробочку и указала на нее рукой. Глаза Саммер загорелись, она сделала глоток безалкогольного коктейля и драматично потерла ладони. Я скрестила под столом пальцы. Улыбка не слезала с моего лица. Распаковав подарок, мимика и эмоции Саммер переменялись. Она осторожно достала кулон и отложила коробку в сторону. Это была солнечная система с крутящимися элементами на длинном черном шнурке.

“Знай, я никогда его не сниму,” нежно посмотрев на меня, прошептала она.

Я заметно нервничала и хотела что-то добавить, но нам принесли еду, и я промолчала. Когда Саммер вышла помыть руки, я взяла ее телефон и набрала Дэна. Раз уж, она позвала своих друзей, я позову человека, который обязан быть на ее дне рождения. Я молилась, чтобы он успел ответить до того, как вернется Саммер. Заметив захлопнувшуюся дверь туалета, я положила телефон на место и сделала вид, что пью коктейль.

Отужинав, мы переместились в бар. Лично я, предпочла бы остаться в предыдущем зале. Как только я вошла сюда, я думала, что моя голова взорвется от этой цветомузыки. Прожекторы, неоновые лампы, громадные колонки, диско-шар и еще много безумия. Саммер куда-то пропала. Я села за столик в углу зала с мягкими диванчиками. Он был расположен за стеной из струй воды, которая, хоть немного, создавала ощущение отдаленности от остальных людей.

“Смотри-и-и, кого я нашла!”

Саммер плюхнулась на диван, подняв бокал коктейля над собой. За ней следом подошли двое ребят, видимо, Марко и Хлоя.

“У вас не занято?”

Я обернулась на голос и увидела Дэнни. В рубашке и джинсах. Он улыбнулся мне и сел рядом. Лицо Саммер побелело, она презрительно смотрела в упор, не сводя с него глаз. Мне стало неловко и, в попытках разрядить обстановку, я предложила сыграть в игру. Ничего умнее в голову не пришло.

“Ладно, играем в поцелуй. Пары, которые образуются за этим столом, должны провести ночь вместе,” все также, не отрываясь, парировала Саммер.

“Может, что-то менее абсурдное?” Неуверенно возразила я.

“Что может быть абсурднее Дэна на моей вечеринке?” Уставившись на меня, отрезала она.

Я чувствовала ее злость внутри себя. Девушка, которая в тот момент смотрела на меня, была мне незнакома. Я не видела в ней тот лучик света и солнца, которым она была всю жизнь. У меня было одно желание – сбежать из этого адского места, сбежать от этих людей и не делать того, что задумала Саммер.

“Кому-то из девушек не хватит партнера, я сейчас,” Марко встал из-за стола.

От его слов мне поплохело. Я отказывалась верить в то, что находилась здесь. Через пару минут Марк вернулся, и, именно, в тот момент мое сердце остановилось. Я не могла пошевелиться, будто, была прибита гвоздями, залита гипсом и пришита нитками. Я испуганно смотрела на Оскара. Увидев меня, улыбка пропала, он медленно сел на стул напротив меня. Я сглотнула и ритмично задергала ногой от нервов. Я знала, что Оскар внимательно и пристально смотрел на меня, наблюдал за моей реакцией. Я уставилась в пол. Как он здесь оказался? Не верю в стечение обстоятельств и в то, что он ходит по клубам. Это не взаправду!

“Ваши напитки,” произнес официант.

“Наконец-то!” Простонала Саммер.

“Они с алкоголем..?”

“Да, Маргарет, они с алкоголем!” Передразнила она. “Так, парни вытягивают имена девушек, с которыми будут целоваться, и показывают мне.”

Я дико жалела, что пришла сюда. Все больше и больше. Это уже не была моя симметричная подруга, она стала другой, и мне от этого было плохо.

“Марко и Хлоя! Дэн и я... Новенький и Маргарет! Ва-а-а-у... Мэгс, начинай.”

Злость в глазах Саммер не прошла, она хотела видеть это шоу. Шоу, со мной в главной роли. Она хотела видеть мое унижение, потому что знала и чувствовала, как я хотела сбежать. Слишком хорошо знала. Но она не подозревала, что Оскар не был “новеньким”.

Я придвинулась вперед, Оскар сделал тоже самое. Между нами, вновь, было сантиметров 10. Сидя как под микроскопом, мне казалось, все разглядывали нас с головы до ног. *Как же, черт возьми, я хотела отсюда уйти!*

“Оскар, почему ты? Почему ты сейчас сидишь передо мной?” Мысленно повторяла я.

Я положила руки на колени и встретила его взгляд. Равнодушный и стеклянный. Мне нужно было время, нужна была тишина и одиночество. Еще чуть-чуть и у меня случился бы нервный срыв. Сердце выпрыгивало из груди, голова кружилась, и я чувствовала, как во мне закипала агрессия. Мне хотелось разнести здесь все, выключить отвратную музыку и, постоянно мигающий, свет, разогнать пьяных людей, избавиться от довольных взглядов. Я ненавижу все вокруг, потому что никто, никто не имел права заставлять меня целовать Оскара.

“Если я тебя сейчас поцелую, ты забудешь об этом?”

Он сказал так, будто, мы были одни во Вселенной, будто, он все чувствовал и понимал. Я сжала губы и, еле заметно, помотала головой. К горлу подступил ком. То, что происходило со мной, видел только он. Видел то, как все во мне затухало, как я больше не ощущала себя живой. Остальные ждали нашего поцелуя. Оскар стиснул скулы и сглотнул. Отстранившись, он оставил следующие слова отпечатком на моем сердце.

“Хлоя.”

“Мэгс, тогда, ты с Марко. Подумаешь, парень отказал, у тебя все еще будет!”

Саммер приобняла меня за плечи, в ней была бутылка, не меньше. Я сбросила ее руку, не теряя зрительного контакта с Оскаром. Его лицо оставалось серьезным. Когда Хлоя присела к нему на колени, пытаясь поцеловать, я улыбнулась. Возможно, я что-то себе придумала, а, возможно, Оскар не собирался целоваться при мне и ждал, когда уйду. Сделав большой глоток коктейля, я ушла. Дыхание перехватило, подступил жар. Вырвавшись на улицу, я почувствовала, как холодный ночной воздух ударил в лицо. Вокруг царил тишина. Я не спеша побрела на остановку. В душе была пустота, белый лист. Кто-то забыл написать на нем текст и я не знала, о чем думать. Мыслей не было.

Придя домой, я, не раздеваясь, завалилась в кровать. У меня было состояние – сжаться до минимума, стать пылинкой и провалиться куда-то в темноту.

Глава 9

Мысли:

Я знаю, что не должен был так поступать. Но, когда она сказала, что не смогла бы забыть поцелуй... Я понял, что лучше сделать это с Хлоей, с которой у меня ничего не может быть, чем целовать девушку, для которой этот поцелуй бы что-то значил. Пускай, Маргарет никогда не почувствует этого, зато, я буду спокоен, что она не пострадала из-за меня. Из-за того, что я не могу ее любить. – Так я считал, пока не поговорил с Хлоей.

“Я люблю Марко.”

“Но зачем, тогда, целовала меня? Если любишь его..”

“А зачем ты целовал меня? Если любишь ее...”

“Что?”

“Я видела то, что между вами было. Это была химия.”

После ее слов, я подумал, что список из 19 безумств лучше заменить на нечто более важное. На одно безумство, которое я обязан совершить, пока не созреет морковь. Я обязан свернуть Морковные Горы ради нее.

Физические ощущения:

Не хочу об этом думать.

Психологические ощущения:

Я знал, что поступил подло. Не хочу копаться в том, что она из-за меня чувствует. Мне важны ее чувства...

Глава 10

42 дня до урожая моркови

За 20 дней я изменила свою жизнь, точнее, она изменила меня. На утро, после той ночи, Саммер улетела в Ирландию, забрав с собой Дэнни и оставив мне кулон. Она почти ничего не помнила, а я не хотела обсуждать то, что случилось. Я выбросила костюм динозавра, навела порядок в квартире, собрала абсолютно все оригами и убрала их в огромную коробку. Мои занятия с психотерапевтом прекратились, я поняла, что он был “ушами и глазами” моих родителей. Более того, узнав, что я, все-таки, поступила на архитектора, а не на врача, они перестали со мной общаться. У Итана было много практики и ночных дежурств. С Оскаром я не виделась с той самой минуты.

Я осталась одна.

Я помыла голову и заварила себе кофе. Открыв балкон, я положила на кухонный стол ноутбук, графический планшет и записную книжку. На мне было белое льняное платье-рубашка, большие черные часы и пластиковые очки. Такое свободное, что вечно спадало с плеча. Резкий порыв ветра сорвал со стены деревянную надпись, под которой висели фотографии на прищепках. Я подняла их с пола и, положив на стол, распутала все, кроме одной. Она была испорчена двумя полосками двустороннего скотча. Эти полоски идеально перекрывали мое лицо и Саммер. Была испорчена одна единственная фотография..! Фотография со мной и Саммер... Сразу после того, как мы поссорились. Я отцепила ее и несколько минут сидела в трансе, рассматривая и пытаюсь понять, почему именно эта фотография. Никогда не верила в совпадения...

Желание крепить все обратно – мгновенно отпало. Мне нужно было сосредоточиться на курсах, которые я дополнительно взяла в университете. Но ничего не выходило. Я впала в депрессию и пыталась работать по ночам. У меня появился нервный тик, а еще, я подседала на те таблетки, которые выписал психотерапевт. Сейчас я пила их по одной-две штуки, но каждый день. Выпив 3 чашки черного кофе, я взяла телефон, ключи и отправилась в книжный. Дома не сиделось. Я проводила там все свободное время: читала, пила кофе; пила кофе, читала. 17 книг – неплохо для короткого срока.

Волосы были совсем мокрые и свисали изящными прядями до плеч. Дойдя до книжного, я купила 4-й кофе и попросила добавить кокос. Закрывая стакан крышкой, я отвлеклась на телефон. Звонила Сара. Я отошла к столику у окна и, подумав, ответила.

“Маргарет, рада тебя слышать, ты как?” Встревоженно воскликнула Сара.

“В порядке, а.. что с твоим голосом? Я понимаю, мне следовало раньше к тебе зайти..”

“Ты уже знаешь диагноз?”

“Какой диагноз?”

“Диагноз Оскара – эмоциональная депривация, она приводит к различным последствиям, в данном случае, это снижение потребности в общении и взаимодействии с людьми, одиночество; эмоциональная нестабильность и безразличие; отрицательные эмоции преобладают над положительными. Ты не в курсе?”

“Я ничего не понимаю,” – пробормотала я.

“Оскар замкнулся в себе, стал вспыльчивым. Он каждые два дня уходит из центра и возвращается под ночь, уверяя меня, что проводит время с тобой. Разве вы не...”

“Он не обманывает.” Я быстро допила кофе и выбежала на улицу поймать такси.

Я проскользнула мимо поста охраны и поднялась на второй этаж. Перед тем, как зайти, я успокоилась и толкнула дверь, она поддалась. Оскар сидел на краю кровати и смотрел в одну точку. На окне белым маркером была написана буква “М”. Наверное, он не услышал, как я вошла. Осторожно присев рядом, я коснулась его плеча, а затем руки. Мой палец случайно соскользнул на шрам. Оскар вздрогнул и испуганно посмотрел на меня. Его кожа стала бледнее, чем прежде.

“Ты не сказал Саре, что я перестала приходить...”

“20 дней.”

“Прости, моя жизнь рушилась шаг за шагом,” жалобно шептала я.

“Я знал, что поступил подло и что ты не захочешь меня видеть.”

“А я каждый день надеялась, что ты придешь, что, даже, если бы я тебя прогнала, то была бы счастлива, потому что увидела, хоть, на секунду...”

Я медленно водила кончиком пальца по его ледяной руке, улыбаясь сквозь слезы.

“Почему ты пришла?” Он, наконец, повернулся ко мне.

“Сара сказала, что ты болен.” Голос дрожал и прерывался.

“Только поэтому?”

“Нет...” Я покачала головой, продолжая натягивать улыбку, слезы скатывались по щекам.

“Я б.. без тебя не могу,” – втянув воздух носом и ртом, сказала я.

Мой страх пропал. В голове был чистый лист, кто-то навел там порядок, разложил все по полочкам и не сказал, что теперь будет намного проще признаваться в любви. Некуда больше прятаться. Я не понимала, как произнесла эти слова. Они вырвались случайно. Точнее, я хотела их сказать, но не думала, что сделаю это настолько быстро. А вообще, Оскар никогда не должен был слышать такое от меня, ведь, это сложно, быть любимым, но не иметь возможности любить самому. В какой-то момент это станет “жалостью”, даже, если, на самом деле, не будет ею являться. Я помнила его слова, что “Жалость – плохое чувство! Даже тогда, когда нет ни одного!”

Я, кажется, до конца не осознавала, что происходило. Оскар равнодушно смотрел мне в глаза, ничего не делал и не говорил. Я рассматривала черточки его лица и расстрепанные волосы, как его грудь вздымалась с каждым вдохом, как напрягалась на виске вена, пока он пытался найти нужные слова. Я не сводила глаз, пытаюсь разглядеть в нем что-то личное и ранимое.

Он облизал губы и склонился ко мне, слегка касаясь остреньким носом моей щеки.

“Я безумно тебя хочу, но я не могу.. сейчас....”

Мой взгляд был непонимающим, и, наверное, он его понял, но промолчал. Оскар уткнулся лбом мне в плечо; я слышала, как билось его сердце и прерывалось дыхание. Он боялся, боялся говорить мне эти слова, да и не только мне, вообще, кому-либо. Его зрачки расширились, а на лице читалось сочувствие, не знаю почему. Может быть, он сочувствовал *себе*, что не может любить, а, может, *мне*, что я видела его таким. Я обхватила его и крепко прижала к себе. Пропуская пальцы сквозь его густые мягкие волосы, я нежно водила ими по голове и шее.

“Знаешь, вместо 19 безумств, я выбрал одно – любить тебя всю жизнь. И я его совершу, обещаю.”

“Я научу тебя любить, слышишь? И я всегда буду рядом, только, пожалуйста, скажи, что пройдешь терапию, я прошу тебя..!”

Сжимая его кофту, умоляюще шептала я. По-моему, я задыхалась в собственных слезах, но не отпускала Оскара. Боялась, что больше не смогу обнять. Он кивнул и уставился на мои губы. Я приоткрыла их на миллиметр, и он меня поцеловал. Одновременно, пытаясь глотать воздух ртом, я в ответ касалась его холодных губ. У нас был один воздух на двоих. Мои легкие наполнялись его воздухом. Холодным, но без этого воздуха, я больше не могла дышать. Оскар был нужен мне, как воздух; он был моим воздухом. Я взяла его за плечи, но он тут же, вздрогнул и невольно напряг губы. Теперь, я знала, в чем была его проблема. У него было соматоформное расстройство, вызванное соматизацией – своего рода «отелесниванием» негативных эмоций, приводящее к возникновению дискомфортных телесных ощущений, один из механизмов психологической защиты человека. Все шрамы на его теле причиняли ему сильную боль.

Я отстранилась назад и легла на спину, уставившись в потолок. Положив руки на живот, я старалась выровнять дыхание. Почему-то, я снова стала испытывать страх перед Оскаром. Мое тело спокойно лежало, но душа и мысли хотели бежать со всех ног и никогда не возвращаться.

“Скажи, что ты моя,” откинувшись рядом, произнес Оскар.

Я молчала. Не могла ему ответить. Не хотела обещать того, в чем не была уверена. Дело было не в нем и не во мне, а в том, что жизнь непредсказуема. Бывает, ты на 100% уверена, что этот человек будет с тобой до самого конца, у тебя даже мысли не появляется, что между вами может что-то произойти. Ты уверена в этом человеке, как ни в ком другом, он всегда с тобой, что бы ни случилось. Когда тебе нужна поддержка, когда ты хочешь чем-то поделиться, он моментально появляется из ниоткуда, отвечает, приезжает, бросив все, ради тебя. И ты думаешь, что просто не заслуживаешь его как друга, что ты полная эгоистка и, по сравнению с ним, имеешь кучу недостатков. Ты строишь планы, что вы вместе поступите в университет, будете снимать квартиру на двоих, станете подружками невесты друг у друга на свадьбе... а потом случается “взрыв”, и наступает пустота. Этот человек перестает быть твоим другом и человеком, которым ты восхищалась. Ты начинаешь осознавать, как сильно была от него зависима, осознавать, что твое сердце расколосось на две половинки, и одной из них больше нет. Ты понимаешь, что потеряла намного больше, чем друга, ты потеряла себя. Огромную часть себя. Каждый раз ты порываешься ему написать, позвонить и вспоминаешь, что не надо этого делать. И это один из тех самых моментов твоей жизни, когда ты начинаешь терять. Терять то, что было безумно дорого, ведь, нельзя только получать. Люди и так, слишком эгоистичны.

Опомнившись от мыслей, я шумно выдохнула. Наши с Оскаром плечи соприкасались, а указательные пальцы держались друг за друга. Мы лежали в абсолютной тишине, вслушиваясь в ритмы наших дыханий и мелодию дождя, который барабанил за окном, ударяясь каплями о стекло и карниз. Это была чудесная мелодия одиночества, которое, наверно, каждый сумел испытать в своей жизни. “Хорошее одиночество”, при котором ты понимаешь, как хорошо быть живым и что в этом мире ты не один. Небо затянуло плотным слоем туч и не пропускало ни одного лучика света. В комнате было темно и холодно; откуда-то запахло свежесваренным кофе. Мои ноги свисали с кровати, не доставая до пола, по коже пробежали мурашки.

“Останься сегодня со мной,” – разрушив молчание и тишину, добавил он.

“Только, если выполнишь мое условие,” – я повернулась на бок и поджала под себя ноги.

Оскар странно на меня посмотрел и сел, оперевшись локтями на колени. Он резко и, казалось, яростно взъерошил волосы от макушки до шеи и снова посмотрел на меня. Я не понимала его взгляд.

“Больше никогда не ставь мне условия,” – одернул Оскар.

Сара оказалась права. Его поведение стало непредсказуемым, переменчивым и агрессивным. Я прежде не видела в нем злости. На долю секунды я пожалела, что целовала его, но потом, каким-то образом, уверила себя, что психотерапия ему поможет. В нем говорила боль и желание быть сильнее чужих условий. Либо, он чувствовал надо мною власть. От последней мысли мне стало не по себе, она не выходила у меня из головы, но где-то в глубине души я понимала – она реальна.

Мы взяли машину и поехали в самое волшебное место Португалии. Оно находилось в 30 минутах отсюда. Всю дорогу Оскар не выпускал мою руку, а всякий раз, как поворачивался ко мне, я улыбалась, сжимая ладонь. Он со мной не разговаривал, и меня это пугало.

“Ты здесь раньше бывал?” Выходя из машины, спросила я.

“Никогда.”

Не дождав меня, Оскар подошел к низкой деревянной ограде и остановился, засунув руки в карманы. Я встала рядом с ним и посмотрела вперед. Перед нами раскинулся бескрайний невероятной красоты и масштаба Атлантический океан. Стоя здесь, на *Cabo da Rosa*, ты ощущаешь себя настолько маленьким и беспомощным, по сравнению с силой океана. Время близилось к закату. От самого горизонта тянулась широкая солнечная дорожка. Облака густым серым слоем нависли над водой, едва не доставая до поверхности. Волны разбивались о заросшие мхом скалы, казалось, что брызги долетали до нас. Белоснежная пена окантовывала, выступающие из воды, камни, которые скрывались с приливом. К западу от этого места был следующий материк – Америка. Я вцепилась в хлипкие перила и наклонилась вперед, вдыхая воздух полной грудью, я чувствовала океан внутри себя. Я, будто, состояла на 80% из Атлантики и ее ветров. Меня переполняли эмоции. Ветер развевал мои волосы во все стороны с сумасшедшей силой. Оскар скромно протянул мне цветок, похожий на астру. Это был суккулент, ползучее растение с ярко-розовыми и желтыми цветками, формирующее сплошной растительный покров всей почвы на мысе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.